

ОЛЕГ НЕМЦОВ

ГОЛОВА ГОРГОНЫ

ОЛЕГ НЕМЦОВ

ГОЛОВА ГОРГОНЫ

БОСТОН • 2009 • BOSTON

Олег Немцов

Голова Горгоны Larissa R. Bemis

Oleg Nemtsov

Gorgona's Head Larissa R. Bemis

Печатается по оригинальному авторскому тексту

Примечания и комментарии Марины Серебряной

Copyright © 2009 by Oleg Nemtsov

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-934881-27-9

Library of Congress Control Number 2009943027

M•Graphics Publishing

www.mgraphics-publishing.com

info@mgraphics-publishing.com

Дизайн обложки: И. Гульков © 2009 / www.ivangdesign.com

Printed in the USA

Я не знаю какого цвета её глаза. Хотя узнать были все возможности: для этого нужно было поднять глаза и посмотреть. Но я пил любовное зелье — по три буль-буль. Да и спросить не у кого, видел Марк-король частый кол ресниц, а Тристан не видел ни зги и сгинул за один только буль невнятной дряни. Собственно, довольно точная копия с моего бессмертия, хоть и впору растеряться, что эта штука имеет обличие. И казалось бы ничего невозможного... и совершенно недостижимо. Громоздко и аляповато, но всё же: красивое небрежное доказательство отсутствия бессмертия — тем идёшь.

Она смешно раздевалась, то есть снимала зелёную куртку, без оной я её видел, если только она её снимала, и тогда танцевали искорки конопушек, но мой покой был нарушен вне связи с этим обрядом демонстрации распашёнок и рассыпанием волос. Рассказчики недоговаривали вот чего: после-камни на Медузу любовались, на руку Персея смотрели не без вожеления. Я мог бы представить её таскающей свою морду под мышкой, не обезглавленной, скорее уж двухголовой. Чего я не мог, так это представить её менее привлекательной — пялился бы на обе. Я почти догадался, как там всё это было: там ли медные руки золотые недужные крылья то ли кабаньи вепря клыки, драконья же чешуя имела место быть — золотистая, поражающе красивая. Собственно, затруднительность правильно представить себе чудовище превращает в невнятицу как состязание красотой с Минервой, так и тёмную историю с Посейдоном, Персею запретили смотреть, иначе рука бы дрогнула, любование мне на пользу не пошло, инструкции были хорошие, правильные инструкции.

Это так красиво, что если оставить жить, всё как есть убьёт, как и мёртвая всё одно убьёт, потому зеркала — не наше пространство, окна, дали, и преломления, нахлебался я этого зелья как свинья, как мы пили лимонад с Беней — по три буль-буль. Что как бы забавно про Эриний, что всё равно

мстят, кому, за что, им это по барабану, надрывался бы барабан мести. По забытым пропащим законам, не вполне разбирая чины. Очаровательные тётки, кровью твоей торговли. Эвмениды потом, когда раньше погоняют не за то что здесь не дала, а за то, что где-то что-то между нами было, ну может где-то ещё тоже не дала, попутно обернувшись рыжим чурбаном с наклонностями к вышиванию бисером, шизофрении и пешим прогулкам с легко предсказуемыми маршрутами.

Обладатель диковинной внешности, пытающийся регулировать меру обращённого на него внимания, здорово похож на идиота и на одну вокзальную девушку, с которой имел счастье познакомиться, давно, в Москве, когда ещё стеснялся девушек. Подошла ко мне такая вот девушка и попросила посмотреть на неё сзади — и сзади у ней всё оказалось в безукоризненном порядке, в чём получив мои заверения, отправилась она дальше, попутно сообщив, что люди на неё оборачиваются, так вот сзади не разглядеть было разукрашенной морды.

Вы называете эту штуку *burka*, вам так специалисты называть сказали (по каждому вопросу надо только специалистов слушать), она вообще-то называется чадра, но для этого дела бурка тоже сгодится, если на рыжую башку надеть, то и эксцессов никаких, и заодно не подзалетишь, когда арабы мимо жопы промахиваются.

Говорит вот Чаговец, что надо застрелиться. Конечно, надо застрелиться, если есть с кем, но если угодно, об этом нужно сначала договориться.

Дедушка фон Клейст во сне являлся, говорит демонский чин по рыжине выдают, чем рыжее... но это всё реже, в ражие демоны чёрта с два попадёшь, коль без рыжей сунешься. Говорит: «Дрочи, внучёк, не узнаю тебя, помнишь, в Домском соборе орган сопел... скамейки Кёнигсберга, тем счастливое детство, ну а вообще-то ты — классный псих, про Медузу — весь пиздец».

Значит так: на переправе предстанут два чурбана, один будет улыбаться, как если бы состругали часть морды, у второго как хвост будет торчать её прядь, там не так темно да и цвет яркий, ты сделаешь то, чего в сортире делать было не

надо, как не получилось даже чепухи, как неверно смешно чурке номер раз. Только так и там, из задницы не поймёшь чего, наверное беса, обретёшь ты весь этот свой уже переваренный ужас.

Дедушка фон Зальце после предстал, в рай звал, ну... не совсем в рай, как бы в заповедник на прусов охотиться. Там его долбоёбы — монашки не монашки — оттяпали кусок, ну и тоже неясно чего. Они козырной свиньёй впёрлись, к сёдлам какие-то лешие приторочены, кстати с русалкой перепихнуться просто: кинжалом в чешуе дырку подходящую проковыряешь — в полное своё удовольствие, котомки рыбой воняли. У них по мешкам всякой нечисти изрядно было напихано, ну и скандал вышел, охрану пихали, кого-то сверзили, подкрепления, депеши, наши приказов из Венеции ждут, одна на небо управа, в общем вытоптали себе какой-то там кусок, да и сволочи много расплозлось, ну и оставили их как бы при деле — трофеи снова ловить, потеснились, тевтоны же оказались в сущем раю с лишними шубами да бабами — потеха, Валгалла.

Луиза, девочка из-за ковра, так ведь никогда и не вышла замурованная цаца фараона, если я был сильно болен, меня пускали за ковёр глядеть на Луизу — золотую девочку, точнее, мы глядели с ней вместе на руны, а я украдкой ещё на неё, и так и не научился читать руны, как не умею глядеть украдкой, как не спасёт ни дедушка-бес, ни дедушка-рыцарь. Тогда меня спасала еврейская бабушка, она стелила мне новую ослепительную постель, выгоняла маму, няню, кого там ещё, и клала ледяную руку на мою башку, склонную к неудачным фантазиям, а после другую, всякий раз находя превосходно ледяную руку.

Перья доносчиков красят в другой цвет и дарят птичьи глаза — не весёлые, нет, озорные, да. Ну, а так-то Чаговец и дальше прав, спасти меня могла только моя же собственная жена, но у меня как раз не было к тому времени обыкновенной жены, была необыкновенная — без скалки, без тряпки, с маленького пьедестала. Как поставила Геката так постоять.

Скрывая щербатый лик и не время казать военный являет лучезарный — золотой от гноя, щедра и не лишним манов пригоршня и в общем всё лучше не трогать. Как где взял: «Темна ночь темны пути Заратустры.» Весёлая наука обрести подарки, да после лучше не трогать. Перепрыгнутый фатумом труп, когда не стыдно тузов за манжетами, кости, брякнувшей счастьем в порту, где сфуматто у всех на виду, как старички те рисовали где-то там.

И это был третий лик — военная площадка луны: и то, что я не услышал, был вой, торжеством гасимый в ломкий пи так же сноровисто, как агригентский его товарищ — пискля эти печёные кишки как пузырь волынки в ритм должно быть приятный, если ты точно знаешь, кто там сидит, и сам его туда посадил. Ну собственно, ты — царь Акраганта при ночной стылой музыке и постылой Сицилии, и какая разница что лимоны что камни, когда пиписка где-то на Капри и даже не жутко ни капли. Да, бычок крупный — агригентский, только кишки твои, бронзы не пожалели, даром что полый, отлили как надо, на меднике попытали намедни — чисто серенада: ночная дрянная уже ненужная.

Даром что почти пруссак, не записали меня на службу в небесной канцелярии, и нёс я караул едва ли не первый раз в жизни, до того — лишь околесную, но отстоял, недаром почти пруссак.

Собственно, это было легко, хуже идти в казарму. Наверху подыхала со смеху Селена. *Vehmgericht*. Я так сразу не догадался. Верёвка камень трава и дальше не зелень нет — белость превосходство. Смех камень ножницы бумага, а ты — говно. Ушёл и не понял, что дождался прощелыг из Вестфалии, их уже и в Вестфалии-то нет, как и шнура у них для тебя нет, как им и дела до тебя нет, однако же приговор есть, может тоже не тебе: пустой сук и не видеть тебе этой суки. То есть, он может предназначался не тебе... какому елдаку из Вестфалии.

О, бессмертная Богиня, ты уморишь себя, дёргаясь серебряномордой мартышкой, паяцем с иголкою у яйца. Не воскреснешь свежими рожками гарцуя поодаль толстозадой Венеры, на какие трясут мелочью, а в карман суют всякую

всячину и то, что не звенит и звенит не так и звенит понапрасну. Орангутанг тьмы тебя поглотит. Несчастливая любовь — это почти скучно, и случается не так часто и не так уж легко её найти и искать приходится в неподходящих местах ту, что кранты швах Карутт, и Бенечка молодой ещё свистит третий концерт Бетховена и ебёт своего дядю — директора Воронежской консерватории в рот, а не сидит во главе стола, ломящегося от воронежских замороженных родственников, и получается лучше, чем у Кемпфа, потому что чаще задышается.

Рыжая не пришла тётка. Даже у Брукнера несколько десятков заключительных тактов, я буду кончать столько раз, сколько пожелаю, за каждый раз, что тогда не кончил.

Мне грустно, зато про кружку пива смешно, ту, что в жарком Засранске не допил чемпион мира по боксу, чем не преминул воспользоваться кого не догнать с похожим титулом мастер тикать. Я ещё про лыжницу помню в пандан, она видимо не только на лыжах быстро бегала, и если ночью от темноты находился ухажёр — о, поверьте, ей ничего не светило при свете — говорила она «Да-да» и убыстряла шаг, меняя его на рысцу, аллюр, галоп, и оп-ля-ля обесчестить её ни при одном из освещений оказывалось непобедимо невозможно, чем почему-то гордилась.

Я не люблю помнить сны, они в таком волшебном ладу с бессмыслицей, что часто и ты там не ты, и память туда не достаёт и ещё чего-то отнять и по-вашему получается, что душа есть, а по-моему, что пошла погулять, посмотреть немое кино в кинозале — кто-то и известная старожилкам «Иллюзиона» девушка, любящая, чтоб её лапали в подходящих к происходящему на экране местах за не так уж разные места, ну и разве что не вылетала из зала, как не была — чуть свет...

Этот сон я тем не менее навязчиво помню, фабула несколько отличается от притчи, чёрт её знает: кричи не кричи недостаёт какой-то мелочи, чтобы избегнуть крупных неприятностей: типа увидеть ужас, избежать огласки, отстраниться или успеть, мелочью же является неслушающаяся часть тела, пропавший голос или скользкий тракт.

Я был неплохой ходок, мадам волшебным скороходом, нет, не была, просто капюшон сзади болтался и лишь только я соображал, что надо бы прибавить шагу как было уже поздно да так поздно, что и метро закрыто, и в такси не содят и чуть позже родиться под другой звездой.

Тут что русскому — карачун, то и немцу — карачун. «Вы меня простите, Гера, но тут такая изюминка, что гобой с кларнетом расходятся, а ваш Фуртвенглер, извините...» Уставившись в партитуру, тыкал как катал изюм, глаза — гнилой изюм. *Adagio*, *Sehr langsam* предпочитает *Scherzo* запрягает медленно. Витька, помнишь! «До ворот шагом, шагом, а потом хуи блядь хуи, и погоняй!»

Так и рехнуться, считая звёзды, бусины и бисер на нарядах придворных дам, и не считая разбрасывать изюм, симфонии длинные, всем шизофреникам хватит выковыривай не хочу... Я бы хотел посчитать конопушки... я рехнулся для этого вполне.

У моей жены есть берет-невидимка, она мне его никогда не даст. Он, наверное, невзрачный, но это неважно по определению. Правда, может быть, он такой красный и красивый как у Дебры Вингер в «*The sheltering sky*», мне очень нужна такая вот штука, а то как-то уж больно нерасторопна и бездарна старая служанка — надежда, я всё более ею тягочусь. Не рассчитал же по малодушию и по бедности, никто другой в услужение ко мне не пойдёт.

Когда я надену этот красный, нелепый в условиях пустыни берет, я поступлю с ним как Саша Чаговец предпочитает поступать со своими брюками: я его никогда не сниму.¹

ДРУГИЕ КНИГИ ЭТОГО АВТОРА

ОБЕ ПОЛОВИНЫ ПОСЫЛКИ

Александр Чаговец, Олег Немцов
1994 Коррида Холиок, Массачусеттс
(с предисловием Виктора Кривулина)

ПЕСНИ ВРЕМЁН СБОРА УРОЖАЯ ГРУШ

Олег Немцов, Александр Чаговец
1995 Коррида Холиок, Массачусеттс
(с послесловием Константина К. Кузьминского)
Редкая книга

СТИХОТВОРЕНИЯ И ОПЫТЫ ПРОЗЫ

Олег Немцов
2007 Ретро, Санкт-Петербург, Россия

Приобрести эти книги можно прислав запрос
по электронной почте на mgraphics.books@gmail.com

M-Graphics Publishing

www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com

ISBN 978-1-934881-27-9

9 781934 881279 90000>